

подчеркивая, что беседы с таким человеком доставляют невыразимое наслаждение. Видимо, это не просто слова эпистолярной любезности. Лукит принадлежал к той византийской интеллигенции, которой были близки гуманистические настроения и которая составляла своего рода *respublica litteraria*. Место Лукита в этом сообществе было недвусмысленно признано Никифором Григорой, читавшим письма Лукита в своем кружке и отметившим глубину их содержания и красоту стиля. Григора приветствовал увлеченность Лукита античными авторами и просил его поддерживать с кружком постоянную связь (*Greg. Ep. II. P. 349*). Известно также, что Лукит был обладателем большой библиотеки и сам переписывал книги, например «Илиаду» со схолиями. Кодекс, содержащий 7 первых книг сочинения Фукидида и труд Дионисия Галикарнасского «О характере Фукидида», также происходит из библиотеки Лукита и был унаследован им от Григория Хиониада¹⁷.

К сожалению, от наследия Лукита дошли буквально крохи: кроме названного энкомия, известен его «Плач» на кончину императора Алексея II (*Anal. Hieros. Stach. I. P. 421—429*). Восхваляя василевса, Лукит писал, что тот был мужествен, как Самсон, прекрасен, как, Иосиф, кроток, как Давид, мудр, как Соломон, страннолюбив, как Авраам, богат достоянием, как Исаак, и боголюбезен, как Иаков. О державе своей и власти он заботился, как второй Александр, о благочестии и православии — как новый Константин, а в щедрости и даролюбии вообще не имел себе равных. Император красив ликом, храбр и постоянен, преуспел в науках и наделен красноречием. Но за таким весьма традиционным набором похвал стоит и нечто особое — нарочитое подчеркивание благородства происхождения Алексея (одновременно от двух царских династий — Комнинов и Палеологов), что важно для отстаивавших свой суверенитет от Византии трапезундских монархов, а также личных доблестей правителя, восстанавливающего свое государство.

В похвалах Алексею II Лукит не был одинок. Стихотворные энкомии ему были написаны также протонотарием Стефаном Сгуропулом. О биографии Сгуропула мы почти ничего не знаем, кроме того, что он жил в начале XIV в. и был, видимо, немного старше Лукита, продолжившего и завершившего некоторые из его энкомиев. «Похвалы» Сгуропула написаны восьмистопным анакреонтическим стихом. Угождая василевсу, протонотарий вместе с тем дает ему советы. В частности, в первом стихотворении, направленном императору после похода к Керасунту в 1301 г. и разгрома им осаждавших город туркменов, он настойчиво побуждает Алексея как можно скорее приступить к возведению сильной крепости в городе, несмотря на отсутствие значительных средств для таких работ (и это было сделано василевсом) (*Ibid. P. 432—434*).

Заметное место в литературе Трапезундской империи занимают сочинения Андрея Ливадина. Их автор, выходец из Византии, как и Константин Лукит, прожил большую часть жизни в империи Великих Комнинов. С нею связаны 12 из 13 известных нам произведений этого автора. Ливадин родился в Константинополе в первом 15-летии XIV в. О занятиях его родителей мы ничего не знаем, но факты биографии Ливадина наталкивают на мысль, что он принадлежал к достаточно состоятельному, очевидно чиновному, семейству. Получив начальное образование, мальчик затем некоторое время учился в церковной, возможно даже патриаршей, школе, где слушал курс богословских наук. Каким-то образом здесь, в Константинополе, молодой Ливадин близко сошелся с трапезундским царевичем Василием, который затем, став императором, пригласил своего друга в столицу Понта. Но прежде Ливадин лелеял мечту о посещении Святой земли. В 1325—1326 гг. тайком от матери и старшего брата он поступил на службу младшим писцом к послам, отбывавшим ко двору мамлюкского султана Насир ад-дина Мухаммада. Это византийское посольство посетило Александрию, Каир, совершило паломничество в Палестину, побывав в Иерусалиме и Вифлееме. Оно было принято иерусалимским патриархом. Пережив затем кораблекрушение у ливийских берегов и вернувшись после долгих странствий в Константинополь, Ливадин вскоре получил должность апографевса (налогового чиновника) и отправился с императорским поручением на остров Тенедос. Оказавшись вновь в византийской столице, Ливадин продолжил образование, на этот раз, скорее всего, углубившись в риторiku.